

Лян Сюань изо всех сил подмигивал Шэнь Гуминю, пытаясь подать ему знак. Увы, соображал юный главный герой со скрипом. Он уставился на наставника во все глаза, а затем исподтишка изобразил пантомиму: указал пальцем на девицу, провёл ребром ладони по горлу и вопросительно округлил глаза, безмолвно спрашивая: «Ты это имеешь в виду?»

Глядя на это, Лян Сюань бессильно откинулся назад, окончательно потеряв всякую надежду на здравый смысл этого мира.

«Ну что за дубина... Откуда в этой юной голове столько прямолинейности? И почему он вечно думает только о расправах? У какого мерзавца он этого набрался? Найти бы этого гада да забить палками до полусмерти!»

Пока он увлечённо обменивался гримасами с молодым бессмертным, несколько непослушных прядей упали ему на лоб, защекодав ресницы, но Лян Сюань даже не обратил на это внимания. Вдруг чья-то рука мягко отвела волосы в сторону.

Он вздрогнул от прикосновения. Он резко повернулся и уставился на того, кто посмел к нему притронуться, а его взгляд мгновенно оледенел.

Пэй Таньцзы ответил ему спокойным, непроницаемым взглядом. Спустя пару мгновений Лян Сюань отвернулся, а старейшина, не проронив ни слова, медленно прикрыл глаза.

— Почтенный Хуачэнь проявляет поистине трогательную заботу о Вэйцы-цзюне, — подал голос горный мастер Цинь. Он поднёс к губам сочную виноградину, бесцеремонно разглядывая Лян Сюаня. — Давно ходят слухи, что мастерство владения мечом главы Десяти святых Вэйцы-цзюня безупречно и не знает равных в Поднебесной. Интересно, удостоится ли сегодня мой скромный взор чести увидеть его в деле?

«Ищи дурака в другом месте. Нашёл себе развлечение, тоже мне».

Пэй Таньцзы едва заметно скосил глаза в сторону Цюй Цинъюэ. Тот мгновенно понял намёк, почтительно поклонился и вмешался:

— Горный мастер Цинь, злодей, истребивший учеников наших орденов, всё ещё на свободе. Полагаю, сейчас нам стоит сосредоточиться на делах государственной важности.

— Сиу-цзюнь, Почтенный Хуачэнь, помилуйте, вы меня не так поняли, — отмахнулся Цинь. — Разумеется, я понимаю всю важность нашего расследования. Однако у нас нет ни единой зацепки, указывающей на след демонических заклинателей. Главы великих сект так редко собираются вместе, к чему нагнетать эту тоскливую мрачность?

Глава павильона Лу нахмурилась, и в её голосе зазвучало неприкрытое раздражение:

— И как же нам не мрачнеть? Столько наших учеников приняли мученическую смерть от рук демонов, а мы до сих пор не ведаем имени убийцы! Вы предлагаете нам веселиться и обмениваться светскими сплетнями?

— Госпожа Лу, я вовсе не это имел в виду, — смутился горный мастер Цинь, однако его взгляд вновь украдкой, с каким-то навязчивым, почти нездоровым любопытством скользнул по фигуре Лян Сюаня. — К тому же, насколько мне известно, Вэйцы-цзюнь лично присутствовал в тайном царстве Линьюань во время испытаний. Возможно, ему известны какие-то подробности?

«Надо же, как ловко он перевёл стрелки. Разговор шёл о резне, а теперь все смотрят на меня. У самого под началом целая свора учеников, которые топтали это тайное царство вдоль и поперёк — шёл бы у них выпытывать! Нет, пристал ко мне. Я там, между прочим, делом был занят: зубы чудовищам чистил да лысых монахов до белого каления доводил. Стал бы я тратить драгоценное время на слежку за вашими недорослями».

— Вэйцы, — благородный Почтенный Хуачэнь повернулся к своему ученику и с самым невозмутимым видом спросил: — Тебе известно, кто совершил это нападение?

Прерванный на середине мысленной тирады Лян Сюань удостоил его лишь красноречивым взглядом, полным глубочайшего презрения.

«И этот туда же! Во-первых, моё тело парализовано заклинанием, а рот запечатан — какого рожна этот мерзавец Пэй вообще ко мне пристаёт? Во-вторых, даже если бы я мог издать хоть звук, он так сильно сжал мою руку, что от боли у меня язык отнялся бы».

Почтенный Хуачэнь и сам не знал наверняка, причастен ли его ученик к происшествию в тайном царстве. Пользуясь тем, что их руки скрыты от посторонних глаз широкими рукавами, он крепко сжал ладонь Лян Сюаня, безмолвно призывая его к благоразумию: что бы там ни случилось, сейчас нужно молчать.

За прошедшее столетие Пэй Таныцзы до мельчайших подробностей изучил несносный нрав своего подопечного. Стоило этому шуту войти в раж, как остановить его становилось невозможно. Лян Сюань обожал устраивать представления на публике и вечно раздувал из мухи слона, принося учителю невыносимую головную боль.

Больше всего старейшина опасался, что из-за своего вздорного упрямства этот безумец ляпнет лишнее. Лян Сюань совершенно не дорожил собственной жизнью, а сейчас, в период очередного бунтарского порыва, у него вполне мог зайти за разум заскок. Стоило ему шутки ради заявить, что за резнёй в Линьюане стоит он сам — и репутация Цинсяо-цзун мгновенно полетит в бездну.

Впрочем, Пэй Таныцзы тревожился напрасно. Лян Сюань вовсе не собирался действовать столь глупо и прямолинейно.

Он прекрасно понимал: подтверди он эти подозрения хотя бы единым кивком, разразится невообразимый скандал. Когда-то давно именно он, Лян Сюань, вознёс Цинсяо-цзун на вершину славы, сделав её величайшим орденом Поднебесной. Тысячи молодых заклинателей грезили пойти по его стопам. Он подарил этому месту величие — и как же орден отплатил ему? Растоптал его жизнь и уничтожил Син И.

Он явился на это пиршество лишь ради одного — увидеть, как некогда великая обитель обратится в руины. И судьба подбрасывала ему этот шанс прямо сейчас.

Но, поразмыслив, Лян Сюань решил, что подобный шаг обойдётся Пэй Таньцзы слишком дёшево, да и самому себе вредить не хотелось. С какой стати ему брать на себя чужие грехи? Быть эксцентричным — не значит быть клиническим идиотом.

Нападение демонов в Линьюане не имело к нему никакого отношения. Даже если бы он разыграл гениальный спектакль и взял вину на себя, расследование всё равно бы продолжилось. А когда выяснится, что он чист, его словам больше никто и никогда не поверит. Так играть нельзя.

Требовалось изящное решение: такое, которое низвергнет Цинсяо-цзун с небес на землю и одновременно вознесёт его самого на вершину величия. Пусть этот план потребует времени — он умел ждать.

Лян Сюань промолчал, что полностью устроило Пэй Таньцзы. Тот повернулся к Горному мастеру Циню и холодно отчеканил:

— Моему ученику об этом ничего не известно.

«Вэйцы-цзюнь и рта не раскрыл, с чего ты взял, что он ничего не знает?» — недовольно подумал Цинь. Он попытался возразить, но встретился взглядом с Почтенным Хуачэнем. На лице старейшины отразилось столь явное, леденящее душу раздражение, что у горного мастера перехватило дыхание. Мгновенно растеряв всю спесь, он поспешно притих и сделал торопливый глоток зелёного вина из своего кубка, силясь скрыть замешательство.

Как бы то ни было, пиршество продолжалось. И хотя изначально все собрались ради обсуждения угрозы демонов, законы гостеприимства никто не отменял. Вскоре исходивший паром чай на столах сменился кувшинами со старым выдержанным вином. Пока гости смаковали благородный напиток, Шэнь Гумин сидел неподвижно, заворожённо разглядывая собственное отражение на начищенных до блеска боках своего кубка.

Заметив это нехитрое самолюбование юноши, Цюй Цинъюэ мягко улыбнулся и махнул рукой слугам:

— Маленькому бессмертному господину ещё рано пить столь крепкие напитки. Унесите его долю.

Шэнь Гумин, которого столь бесцеремонно оторвали от созерцания собственной персоны, лишь угрюмо промолчал.

Оставшись без кубка, юноша заскучал. Не зная, чем себя занять, он принялся разглядывать сидевших во главе стола и вдруг подметил странную деталь. Он тихонько спросил соседа:

— Почему у всех гостей стоят чаши для вина, а перед Лян Сюанем нет ничего, кроме блюд с фруктами?

И впрямь, сидевший по правую руку от Почтенного Хуачэня белокурый заклинатель уже как-то умудрился избавиться от оков молчания. Подперев ладонью щёку, он лениво, с видом пресыщенного господина взирал на пирующих. В его небрежном взгляде сквозило такое пренебрежение, словно каждый присутствующий в зале лично задолжал ему круглую сумму. Перед ним действительно высились лишь горы свежих плодов.

То ли от откровенного безделья, то ли из чистого упрямства Лян Сюань то и дело норовил утянуть кубок из пальцев Пэй Таньцзы. Впрочем, делал он это без особого рвения, скорее дразня учителя с лукавой, шkodливой усмешкой. Старейшина каждый раз мягко уклонялся, едва заметно хмурясь, словно одно лишь прикосновение его ученика к хмельному сулило неминуемую катастрофу.

Проследив за направлением его взгляда, Цюй Цинъюэ перестал улыбаться. В его глазах, обычно мягких и тёплых, словно лунный свет, промелькнула тень.

— Вэйцы-цзюню категорически запрещено прикасаться к алкоголю, — негромко произнёс он.

— Почему? — удивился Шэнь Гумин. — Он буянит во хмелю или просто быстро пьянеет?

В представлении юноши это казалось вполне логичным. С его-то непредсказуемым характером пьяный Лян Сюань наверняка представлял собой стихийное бедствие. Шэнь Гумин невольно вообразил, как признанный первый красавец Поднебесной, наклюкавшись до беспамятства, устраивает дебош посреди двора. Если уж в здравом уме его сила граничала с божественной, то во хмелю он, пожалуй, мог бы разнести половину мира заклинателей голыми руками.

Шэнь Гумин был уверен, что угадал, однако Цюй Цинъюэ лишь с грустной улыбкой покачал головой.

— Вовсе нет. Прежде Вэйцы мог пить наравне с лучшими мужами и никогда не терял лица. Он без труда мог просидеть за кубком до самых первых рассветных лучей, ведя неспешные беседы, и ни одна капля хмеля не туманила его разум.

В здешних краях делали вино исключительной крепости, славившееся своим коварным послевкусием. Раз уж Лян Сюань мог пить его всю ночь напролёт и оставаться трезвым, его выдержка заслуживала уважения.

— Тогда в чём же дело? — окончательно запутался юноша.

— Из-за одного человека, — тихо ответил Цюй Цинъюэ и, подняв свой кубок, осушил его одним глотком. Крепкий напиток обжёг горло, оставляя горькое послевкусие. Глава ордена помрачнел. — Когда-то давно Вэйцы ради него выпил целую чашу яда, замаскированного под вино. Отрава сожгла его внутренности. С тех пор он не может сделать ни единого глотка — для него это смертельно опасно.

Всегда мягкий, ласкающий слух голос Сиу-цзюня на этот раз прозвучал настолько глухо и скорбно, что у Шэнь Гумина болезненно сжалось сердце.

«Опять этот таинственный незнакомец... Да кто же он такой?! Выпить яд... Что за безумие?»

— Ради кого он пошёл на это? — требовательно спросил он.

Губы Цюй Цинъюэ дрогнули, готовые сорваться на имя, но он вовремя осёкся, словно вспомнив о чём-то важном. Когда он заговорил вновь, его тон изменился:

— Ради того, кто был ему безмерно дорог. Вэйцы часто кажется окружающим холодным и равнодушным, но на самом деле он помнит каждое доброе дело и всегда платит преданностью тем, кто искренне к нему относился.

— Знаешь, порой я и сам не понимаю, что творится у него в душе. Мы выросли вместе. В детстве он был тихим, послушным мальчиком, но в какой-то момент его словно подменили. Он сделался упрямым, властным, ни на кого не похожим... И эта его привычка болтать всякую нелепицу с самым серьёзным лицом! Стоило летнему зною чуть усилиться, как он начинал сокрушаться, что умирает от невыносимого жара, сводя с ума наших целителей. Однако когда с ним действительно случалась беда, он молчал до последнего, делая вид, что всё в порядке. Сколько же с ним было хлопот...

— Помню, как-то раз за какую-то провинность его заставили стоять на коленях у ворот обители. Он простоял так больше четырёх часов, не издав ни звука. Наставник решил, что упрямец наконец-то осознал свою вину, и велел ему оставаться там до заката, после чего возвращаться на пик Чанлэ. Кто же знал, что он просидит на холодных камнях до самого утра? На пике Чанлэ он так и не появился.

— Мы обыскали каждый уголок Цинсяо-цзун, пока наконец не обнаружили его у подножия горы. Он лежал без чувств, его белоснежные одежды были покрыты грязью. Старейшины решили, что он то ли лишился чувств от усталости, то ли попросту уснул и скатился по каменным ступеням. Сам Вэйцы так ничего и не объяснил. Лишь когда лекари осмотрели его,

выяснилось, что он сильно простудился ещё до наказания, а многочасовое стояние под пронизывающим ветром окончательно подорвало его силы. Наставник тогда места себе не находил от раскаяния. Он не отходил от его постели семь дней и ночей, а когда брат очнулся, пообещал, что отныне позволит ему любые чудачества и больше никогда не накажет...

Шэнь Гумин слушал затаив дыхание. Но едва Цюй Цинъюэ замолчал, юноша упрямо вернулся к прежнему:

— Сиу-цзюнь, вы уклоняетесь от ответа. Я спросил, ради кого Лян Сюань выпил яд?

Этот вопрос не давал ему покоя.

Видя его непреклонность, Цюй Цинъюэ лишь тихо вздохнул и опустил глаза.

— Тот человек давно мёртв, молодой господин Шэнь. Даже если вы узнаете его имя, это ничего не изменит.

Едва эти слова сорвались с губ собеседника, как Шэнь Гумин с силой обрушил кулак на стол. Громкий стук эхом разнёсся по зале, заставив пирующих умолкнуть и обернуться в их сторону.

Лицо юноши, обычно благородное и спокойное, сейчас исказилось от сдерживаемого гнева.

Глава павильона Лу удивлённо приподняла брови:

— Кто этот молодой человек?

Отведя удивлённый взгляд от разгневанного юноши, Цюй Цинъюэ ровным голосом пояснил:

— Это единственный сын Юйянь-цзюня, Шэнь Гумин.

— Юйянь-цзюня... Шэнь Чэнге? — услышав имя великого мастера, почтенная госпожа Лу мгновенно сменила гнев на милость. На её лице появилась тёплая улыбка. — Надо же. Я давно не следила за делами молодого поколения и даже не знала, что перед своим вознесением бессмертный мастер Шэнь оставил дева Лю наследника.

Упомянутая дева Лю была матерью Шэнь Гуминя. Сломленная тяжёлым недугом, она покинула этот мир, когда сыну исполнилось пятнадцать — всего год назад. При воспоминании о ней лицо юноши мгновенно осунулось, а в глазах поселилась глухая тоска.

Не заметив его замешательства, госпожа Лу благодушно продолжала:

— Дитя, дали ли тебе взрослое имя? «Гумин»... Какая грустная, одинокая гармония слышится в этом слове. О чём только думал твой отец, нарекая так собственного сына?

Пальцы Шэнь Гуминя судорожно сжались, впиваясь в ладони.

— У меня нет взрослого имени, — глухо отозвался он. — Только это.

Юноша произнёс это слишком быстро и резко. О кончине его матери знали лишь самые близкие родственники. Она была простой земной женщиной, бесконечно далекой от сияющего величия Юйянь-цзюня, и Шэнь Гумин всей душой противился тому, чтобы её имя трепали досужие языки праздных заклинателей.

Старуха продолжала что-то щебетать, благодушно щурясь. Никто из собравшихся не догадывался о душевной ране юноши. Даже проникательный Цюй Цинъюэ счёл его молчание обычной робостью перед лицом стольких высокопоставленных старейшин и не стал вмешиваться.

Однако Лян Сюань, будучи преданным читателем этой истории, прекрасно помнил сюжет и понимал, какая буря бушевала сейчас в душе юного героя. Оставив в покое виноград, он пристально взгляделся в напряжённый профиль Шэнь Гуминя. В его глазах промелькнуло нечто похожее на сочувствие.

— Маленький бессмертный господин, — негромко позвал он.

Его звонкий, чуть насмешливый голос мгновенно заставил Шэнь Гуминя встрепенуться и обернуться.

Лян Сюань лукаво прищурился. И пусть на его губах играла улыбка, взгляд не уступал в холодности взору сидевшего подле него Почтенного Хуачэня. Впрочем, сидел Лян Сюань совершенно неподобающим образом — раскинулся на шёлковых подушках, словно у него не было костей, и лениво вертел в пальцах виноградную кожуру. В этом жесте сквозило чистое, ребяческое озорство, однако оторвать от него взгляд было решительно невозможно.

— Скучно ведь сидеть в одиночестве, — он изящно взмахнул бледной рукой, и это небрежное движение походило на взмах крыльев бабочки. — Иди-ка сюда. Поможешь своему учителю одолеть этот виноград — кислый настолько, что зубы сводит.